

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(Первая Секция)

Дело «Битиева и Х (Bitiyeva and X) против Российской Федерации»¹

(Жалобы № 57953/00 и 37392/03)

Постановление Суда

Страсбург, 21 июня 2007 г.

По делу «Битиева и Х против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты*,

Л. Лукаидеса,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Х. Гаджиева,

Д. Шпильманна,

С.Е. Йебенса, *судей*,

а также при участии С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 31 мая 2007 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами: № 57953/00 и 37392/03, поданными против властей Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданками Российской Федерации Зурой Шараниевной Битиевой и Х (далее – заявители) 25 апреля 2000 г. и 21 ноября 2003 г. соответственно.

2. Интересы заявителей представляли юристы неправительственной правозащитной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre). Власти Российской

---

¹ Перевод текста постановления предоставлен редакцией Бюллетеня Европейского Суда по правам человека. Текст опубликован в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 2/2008.

Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Первая заявительница, ссылаясь на статьи 3 и 5 Конвенции, обжаловала жестокое обращение с ней и незаконное содержание под стражей в январе и феврале 2000 г. В мае 2003 г. первая заявительница была убита у себя дома вместе с тремя другими членами семьи неустановленными вооруженным людьми. Вторая заявительница, которая является дочерью первой заявительницы, выразила намерение поддержать жалобу. Она также пожаловалась от своего имени на нарушение статей 2, 3, 13 и 34 Конвенции в связи со смертью членов своей семьи, отсутствием эффективных средств правовой защиты и вмешательством в право на подачу индивидуальной жалобы.

4. Плата приняла решение объединить производство по жалобам (пункта 1 правила 42 Регламента Суда).

5. 20 октября 2005 г. Палата признала жалобы приемлемыми для рассмотрения по существу.

6. Проконсультировавшись со сторонами, Палата приняла решение, что не было необходимости в проведении устных слушаний (пункт 3 правила 59 Регламента Суда *in fine*²). Стороны в письменном виде ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первая заявительница родилась в 1948 году и проживала в станица Калиновская Наурского района Чеченской Республики. 21 мая 2003 г. она была убита в своем доме вместе с тремя другими членами семьи. Вторая заявительница является дочерью первой заявительницы. Она родилась в 1976 году и в настоящее время проживает в Германии, где она попросила убежища.

8. Обстоятельства дела оспариваются сторонами. Ввиду этого, Европейский Суд попросил власти Российской Федерации представить копии определенных документов, касавшихся жалоб заявительниц. Доводы сторон кратко изложены ниже в разделе «А». Краткое описание документов, представленных властями Российской Федерации, дано в разделе «В», а описание иных документов – в разделе «С» ниже.

---

² *In fine* (лат.) – в конце (прим. переводчика).

А. Доводы сторон

1. Содержание первой заявительницы под стражей в январе - феврале 2000 г.

9. Первая заявительница проживала в станице Калиновская Наурского района Чеченской Республики вместе с мужем Рамзаном Идуевым и детьми: Идрисом Идуевым и Х (вторая заявительница).

10. Первая заявительница занималась активной политической деятельностью в Чеченской Республике и участвовала в антивоенных протестах. В 1994 – 1996 годах она работала в Комитете солдатских матерей – российской неправительственной организации.

11. Заявительницы утверждали, что 24 января 2000 г. российские военнослужащие пришли в дом первой заявительницы с целью паспортной проверки. Первая заявительница и ее сын Идрис пояснили, что их паспорта были сданы на перерегистрацию в местный орган власти. По-видимому, данное объяснение было принято, и солдаты ушли.

12. 25 января 2000 г. приблизительно в шесть часов утра примерно 20 человек, одетых в военную форму, некоторые из которых были в масках, вошли в дом заявительницы. Четверо из них, по-видимому, уже приходившие в предыдущий день, сказали, что собираются провести паспортную проверку и приказали заявительнице, к которой они обратились по имени, пройти с ними в местный отдел внутренних дел для выяснения ситуации с ее паспортом. Сыну первой заявительницы Идрису Идуеву также приказали идти с ними.

13. Первую заявительницу и ее сына доставили в Наурский временный отдел внутренних дел. Там они провели около двух часов, после чего их перевезли в изолятор³ «Чернокозово», где первую заявительницу и ее сына разделили.

14. Первая заявительница утверждала, что по прибытии в изолятор «Чернокозово» ее заставили смотреть на жестокое обращение с другими заключенными. Около 60 человек заставляли бегать обнаженными, держа в руках свою одежду, вдоль по коридору, длиною около 50 метров, в то время как солдаты их избивали.

15. Первую заявительницу заставили до вечера стоять лицом к стене, с поднятыми руками, опираясь о стену. Помещение было неотапливаемым, с разбитыми окнами, и в нем было очень холодно. Первой заявительнице не позволялось ни есть, ни лечь. Вечером ее поместили в камеру.

---

³ Как следует из содержания настоящего Постановления, статус места содержания под стражей, расположенного в н.п. Чернокозово, не был определен до 8 февраля 2000 г., когда это учреждение стало следственным изолятором. В английском тексте Постановления Европейский Суд также избегает называть точный статус рассматриваемого учреждения, называя его «*detention facility*», что здесь и далее будет переводиться как «изолятор» в его общем смысле – место ограничения свободы (*прим. переводчика*).

16. Камера № 2, в которой содержалась заявительница, была очень маленькой. В ней помещались четыре металлических кровати и унитаз. В разное время в камере содержалось от трех до десяти женщин, иногда они были вынуждены спать по очереди. В камере было очень грязно, от туалета исходило невыносимое зловоние. Один раз в день заключенным выдавалось четыре литра воды на камеру и одна порция еды на троих в грязной посуде.

17. В период содержания под стражей первая заявительница постоянно подвергалась унижениям, как женщина, и как чеченка. Сотрудники изолятора говорили ей, что она не покинет данное учреждение живой что она либо станет сумасшедшей, либо покончит жизнь самоубийством. Неоднократно заявительницу толкали и избивали прикладами автоматов. Один раз, около 3 февраля 2000 г., охрана изолятора распылила в каждую из камер газ, от которого у заключенных начался кашель.

18. По утверждению заявительницы, вместе с ней в камере содержались больные и дети. Заявительница являлась свидетелем избиений и унижений заключенных со стороны сотрудников изолятора. Иногда ей были слышны крики ее сына, которого избивали в коридоре перед ее камерой.

19. В период нахождения в изоляторе «Чернокозово» первую заявительницу вызывали на допрос примерно четыре раза. Лицо, проводившее допрос, не указало ни своего имени, ни должности и задавало вопросы общего характера. Заявительнице задавались вопросы о , ее имени, месте ее происхождения, принадлежности к определенному клану, исповедовала ли она ислам и молилась ли она. Ей также задавались вопросы, касающиеся «марша мира» в г. Москву, в котором она принимала участие, а также о том, кто его финансировал.

20. Первой заявительнице, страдавшей от холецистита печени и болезни сердца, не оказывалась в период содержания под стражей квалифицированная медицинская помощь. Состояние ее здоровья резко ухудшилось. Один раз она упала в обморок в коридоре, и только через полчаса сотрудники изолятора позволили другим заключенным донести ее до камеры.

21. Как утверждает вторая заявительница, она приносила в изолятор «Чернокозово» еду и лекарства для матери и брата, но только лишь незначительная часть из этого передавалась им, поскольку военнослужащие забирали себе большую часть переданного.

22. В подтверждение заявлений З.Ш. Битиевой относительно условий содержания в «Чернокозово» заявительницы представили показания Ш., содержащейся в период с января по февраль 2000 г. в одной камере с первой заявительницей. Ш. подтвердила информацию заявительницы относительно условий содержания под стражей, избиений других заключенных, а также проблем первой заявительницы со здоровьем.

23. Кроме того, заявительницы представили доклады средств массовой информации и неправительственных правозащитных организаций о ситуации в изоляторе «Чернокозово» в конце 1999 г. – начале 2000 г., в которых сообщалось о невыносимых условиях содержания в изоляторе, о широком распространении пыток и ненадлежащего обращения с заключенными. Они также представили соответствующие документы Совета Европы (см. ниже раздел «С»).

24. В своих замечаниях власти Российской Федерации утверждали, что первая заявительница и ее сын Идрис Идуев были задержаны 25 января 2000 г. на основании Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1815 о мерах по предотвращению бродяжничества, и направлены в приемник-распределитель в н.п. Чернокозово, который функционировал с ноября 1999 г. по февраль 2000 г. Первая заявительница содержалась там до 17 февраля 2000 г., когда была установлена ее личность и ее перевели в больницу в связи с ухудшением состояния ее здоровья. Власти Российской Федерации представили некоторые документы, касавшиеся содержания первой заявительницы под стражей (см. ниже раздел «В»).

25. Относительно статуса изолятора «Чернокозово» власти Российской Федерации в декабре 2005 г. сообщили, что до 8 февраля 2000 г. отсутствовали документы о правовой статусе этого учреждения и что под приемник-распределитель было переоборудовано помещение бывшего штрафного изолятора исправительной колонии ИС-36/2. По информации властей Российской Федерации, приказом Министра юстиции Российской Федерации от 8 февраля 2000 г. был учрежден следственный изолятор и передан в распоряжение Министерства юстиции Чеченской Республики.

26. В то же время власти Российской Федерации представили копию приказа Министра юстиции Российской Федерации от 8 августа 2000 г. № 229, которым следственный изолятор ИЗ-4/2 в н.п. Чернокозово был передан из ведения Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики в ведение Министерства юстиции Чеченской Республики. Учреждение было названо «ИЗ-14/2». Оно было рассчитано на 150 заключенных (в документах, оформленных в изоляторе в 2004 и 2005 годах, учреждение называется «ИЗ-20/2»).

2. Освобождение первой заявительницы из-под стражи и последующие события

27. Первую заявительницу поместили в Наурскую районную больницу 17 февраля 2000 г. Как утверждает вторая заявительница, ее мать находилась без сознания и врачи настояли на том, что она должна быть помещена в больницу для интенсивного лечения. По словам первой заявительницы, на протяжении нескольких недель она находилась в больнице под надзором военнослужащих.

28. По информации первой заявительницы, в середине марта 2000 г. к ней в больницу приходил прокурор Наурского района, который сообщил заявительнице, что с нее сняты все предъявленные ранее обвинения.

29. Начальником Наурского временного отдела внутренних дел первой заявительнице была выдана справка от 2 марта 2000 г., в которой указывалось, что она «в период с 25 января по 26 февраля 2000 г. проверялась отделом уголовного розыска Наурского временного отдела внутренних дел в связи с наличием компрометирующих материалов об участии и причастности к незаконным вооруженным формированиям на территории Чеченской Республики. Компрометирующие материалы обнаружены не были».

30. Первую заявительницу выписали из больницы 15 марта 2000 г. Как утверждает вторая заявительница, ее мать после выхода из больницы оставалась очень слабой и еще месяц придерживалась постельного режима. Она сильно похудела, у нее дрожали руки и голова.

31. Сын первой заявительницы Идрис Идуев был освобожден из изолятора «Чернокозово» 26 февраля 2000 г. Вторая заявительница утверждает, что Идрис Идуев также подвергался избиениям и жестокому обращению во время нахождения под стражей. Подтверждающих медицинских документов представлено не было.

32. Ни первой заявительнице, ни ее сыну Идрису Идуеву не были предъявлены обвинения в совершении преступлений в отношении их нахождения⁴ под стражей.

33. Власти Российской Федерации утверждали, что первая заявительница была помещена в Наурскую районную больницу 17 февраля 2000 г., и ей был поставлен диагноз – «двусторонняя бронхиальная пневмония и нейроциркуляторная дистония кардиального типа с астматическим синдромом». Ей был сделан ряд комплексных обследований, но травм либо следов избиения установлено не было. После освобождения ни первая заявительница, ни ее сын не обращались в прокуратуру с жалобами на предполагаемое жестокое обращение с ними в период их содержания под стражей.

34. Власти Российской Федерации также утверждали, что установить лиц, работавших в приемнике-распределителе, а также получить копии документов не представлялось возможным в связи с тем, что соответствующие архивы не сохранились. По результатам проверки, проведенной прокуратурой Наурского района Чеченской Республики, 27 января 2005 г. было отказано в возбуждении уголовного дела. Впоследствии указанное постановление было отменено (см. ниже раздел «В»).

35. Заявители представили сообщения неправительственных правозащитных организаций и средств массовой информации, в которых сообщалось о ситуации в

---

⁴ Так в тексте. Употреблено выражение «...in relation to their detention» (англ.). Видимо, имеет место техническая ошибка, и речь идет о фразе: «Ни первой заявительнице, ни ее сыну Идрису Идуеву в период их нахождения под стражей не были предъявлены обвинения в совершении преступлений» (прим. переводчика).

«Чернокозово» в соответствующий период времени. В частности, они ссылались на доклад организации «Хьюман Райтс Вотч», изданный в октябре 2000 г. под заголовком «Добро пожаловать в ад: произвольное задержание, пытки и вымогательство в Чечне». В отчете был специальный раздел, касающийся ситуации в изоляторе «Чернокозово» в январе – начале февраля 2000 г., основанный на интервью с бывшими задержанными. В отчете отображалась картина систематических оскорблений содержащихся под стражей лиц и жестокого обращения с ними в совокупности с отвратительными условиями содержания под стражей. В отчете содержался призыв к властям Российской Федерации о проведении полного расследования событий, имевших место в «Чернокозово» в январе и феврале 2000 г., в целях обеспечения уголовного преследования виновных в злоупотреблениях и возмещения ущерба потерпевшим.

36. 24 марта 2000 г. неправительственная правозащитная организация «Мемориал» направила обращение на имя Генерального прокурора Российской Федерации после выхода в журнале «Итоги» публикации относительно «фильтрационных пунктов» для лиц, подозреваемых органами федеральной власти в связи с незаконными вооруженными формированиями. Статья и опубликованные вместе с ней фотографии описывала жестокие условия содержания под стражей в фильтрационном пункте в селении Толстой-Юрт недалеко от г. Грозного. В статье также сообщалось об оскорблениях и жестоком обращении [с заключенными] в изоляторе «Чернокозово». 24 марта 2000 г. прокурор Грозненского района в ответ сообщил, что, действительно, 2 – 12 февраля 2000 г. в селении Толстой-Юрт был организован «фильтрационный пункт». Он сообщил, что в указанный период там содержалось 356 человек. В итоге, 141 человеку было предъявлено обвинение в участии в незаконных вооруженных формированиях, они были помещены под стражу на основании постановления прокурора и направлены в изолятор «Чернокозово». Остальные были освобождены из-под стражи. За законностью задержания осуществлялся контроль со стороны соответствующих прокуроров, а содержащиеся под стражей лица были обеспечены спальными местами, едой, им также оказывалась медицинская помощь.

3. Убийство первой заявительницы 21 мая 2003 г.

37. Вторая заявительница представила свидетельские показания трех свидетелей событий: ее брата И. и двух соседей – М. и Г. В соответствии с показаниями свидетелей 21 мая 2003 г. первая заявительница, ее муж Рамзан Идуев (отец второй заявительницы), их сын Идрис Идуев (брат второй заявительницы) и брат первой заявительницы Абубакар Битиев (дядя второй заявительницы) ночевали в доме первой заявительницы по адресу: станица Калиновская, ул. Филатова, д. 7. Другой сын первой заявительницы – Эльдар Идуев – ночевал в другом доме, находившемся на этом же дворе, а его годовалый сын был в доме первой заявительницы (его бабушки).

38. Около трех часов утра к дому, находящемуся по соседству с домом первой заявительницы, подъехали два автомобиля УАЗ-45⁵, не имевших номеров государственной регистрации и оборудованных большими антеннами. Несколько человек очень тихо проникли в дом, так что хозяйка дома Д. не слышала, как они вошли. Они разбудили Д. и залепили ей рот клейкой лентой. Затем они потребовали ее паспорт. Один из них, посмотрев на фотографию в паспорте, сказал остальным по-русски: «Это не она». После этого они ушли, приказав не двигаться с места в течение десяти минут. С собой они забрали паспорт. Впоследствии Д. обнаружила свой паспорт в доме первой заявительницы.

39. Указанная группа лиц прибыла к дому первой заявительницы около трех часов 30 минут утра. Одиннадцать человек вошли в дом первой заявительницы; несколько других лиц, вооруженные гранатометами и пулеметами, собрались на улице, окружив дом. Все они были высокого роста и крепкого телосложения, одетые в камуфлированную форму, которую свидетели опознали как форму войск особого назначения. Четверо из них были в масках; другие были в черных шлемах, прикрывавших шею и уши. Вошедшие в дом люди были вооружены автоматами АК калибра 7,62 мм. Через несколько минут сосед услышал шесть или семь приглушенных ударов, которые сначала по ошибке принял за стук в ворота. Затем он понял, что это были звуки стрельбы.

40. И., сын первой заявительницы, показал, что около трех часов 30 минут утра он услышал по соседству шум и крик. Он подумал, что, возможно, проводилась специальная операция из тех, которые регулярно проводились в селении. Он быстро оделся и выглянул на улицу. Он заметил, как несколько человек, одетых в камуфлированную форму и «шлемы подразделений особого назначения», перепрыгнули через забор во двор. Свидетель догадался, что они собрались сразу ворваться в дом, и отметил, что военнослужащие сначала заняли боевую позицию рядом с дверью. Он бросился в комнату, накрыл кровать одеялом, а затем спрятался за креслом. Как только он это сделал, несколько человек вбежали в дом и разошлись по комнатам. Один из них сказал: «Здесь никого нет», а другой сказал: «Возьми видеомаягнитофон».

Они говорили по-русски, а при обращении друг к другу не называли ни имен, ни должностей. Через две или три минуты они ушли, забрав с собой видеомаягнитофон. Брат второй заявительницы услышал во дворе лай собак и какой-то шум. Затем он услышал около десяти выстрелов, прозвучавших один за другим. Приблизительно через пять минут он услышал крик: «Пошли, уходим, быстро», а затем звук удаляющихся машин.

41. Соседи видели два автомобиля УАЗ, двигающихся к основной дороге в г. Грозный.

---

⁵ Так в тексте (прим. переводчика).

42. И. подождал еще несколько минут и вышел на улицу. Он увидел на улице троих женщин, и очень удивился, что его мать не вышла, поскольку обычно она была очень активна и вмешивалась, если кого-то задерживали в поселке. Он заметил, что дверь родительского дома была приоткрыта, и предположил, что всю его семью увезли. Войдя в дом, он увидел, что его мать лежала на полу. В дом вошла соседка, и И. отдал ей своего годовалого сына, который плакал на кровати, и попросил унести его из дома.

43. Затем он вернулся в комнату и включил свет. Он увидел первую заявительницу лежащей на спине на полу. Ее рот был заклеен, а руки связаны клейкой лентой. Ей стреляли в лицо и руки. Впоследствии И. насчитал в полу три пулевых отверстия от автомата АК калибра 7,62 мм.

44. После этого он вышел в коридор и обнаружил тело своего дяди Абубакара Битиева. Соседка М. утверждает, что на его голове был черный мешок с веревками, используемый военными при задержании людей. Его руки и ноги были связаны клейкой лентой. Ему трижды стреляли в затылок. И. показал, что в ту ночь его дядя спал в другом доме, стоящем том же дворе, и что военнослужащие, должно быть, привели его в дом первой заявительницы насильно, поскольку мебель в доме была сломана.

45. В гостиной было обнаружено тело мужа первой заявительницы, Рамзана Идуева. Он лежал на полу рядом с диваном, его руки и ноги были связаны клейкой лентой. Он был застрелен в затылок. Катушка клейкой ленты лежала рядом с его телом. В спальне на полу было обнаружено тело сына первой заявительницы Идриса Идуева со связанными клейкой лентой за спиной руками и связанными ногами. Ему также трижды стреляли в затылок.

46. Утром жители поселка узнали, что той же ночью в поселке были убиты еще двое мужчин, предположительно, той же группой лиц. В дом, принадлежавший А. Г., находившийся на ул. Октябрьской, рейд был совершен около двух часов утра. Его жене, открывшей дверь, заткнули рот и связали руки и ноги клейкой лентой. Как только ей удалось освободиться, она обнаружила тело своего мужа с простреленной головой. Около трех часов утра был совершен рейд в дом на ул. Кооперативной, принадлежавший Т.И. Жена и мать Т.И. были связаны клейкой лентой, а хозяин дома был выведен на улицу людьми, которых свидетели называли «военнослужащими». Тело Т.И. со связанными впереди клейкой лентой руками было той же ночью обнаружено родственниками в огороде рядом с домом с четырьмя или пятью пулевыми отверстиями в голове и плече.

4. Расследование по фактам убийств

47. Обнаружив тела своих родственников, И. выбежал во двор с криками о помощи. На шум вышли соседи, один из которых позвонил в местный отдел внутренних дел. Сотрудники милиции прибыли утром, как минимум через два часа. В

11 часов утра приехали эксперты-криминалисты из станицы Наурская, которые сделали фотографии тел убитых и собрали патроны.

48. 21 мая 2003 г. родственники первой заявительницы обмыли тела убитых и захоронили их. По утверждению второй заявительницы, эксперты-криминалисты не просили их отложить похороны или позволить провести вскрытие тел убитых.

49. Свидетели сообщили, что некоторые жители станицы спрашивали у военных на блокпостах, расположенных вокруг этой станицы, кто приезжал в ту ночь и почему их пропустили в станицу Калиновская и разрешили выехать из нее. По всей видимости, жителям станицы сообщили, что это была группа военных, выполнявших «спецоперацию». Свидетели также утверждали, что аналогичную информацию получили и сотрудники местного отдела внутренних дел, которые именно поэтому не стали вмешиваться.

50. 21 мая 2003 г. прокуратура Наурского района возбудила уголовное дело № 48023 по пунктам «а» и «г» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – убийство двух и более лиц при отягчающих обстоятельствах.

51. 26 мая 2003 г. неправительственная правозащитная организация «Мемориал» выпустила пресс-релиз «Политическое преступление в станице Калиновская». В пресс-релизе сообщалось об убийстве первой заявительницы и ее семьи, и убийство связывалось с подачей заявительницей жалобы в Европейский Суд по правам человека. В пресс-релизе также содержалась информация о том, что в отношении брата первой заявительницы (Абубакара Битиева) и ее сына (Идриса Идудева) расследовалось уголовное дело по факту хранения наркотических веществ без цели сбыта. В пресс-релизе сообщалось, что, по мнению первой заявительницы, уголовное дело было сфабриковано в связи с занимаемой ею активной позицией по расследованию преступлений, совершенных военными, включая требование провести расследование по факту обнаружения в феврале 2003 г. массового захоронения в Наурском районе.

52. 31 июля 2003 г. Европейский Суд, руководствуясь правилом 40 Регламента Суда, направил властям Российской Федерации уведомление о жалобе, поданной первой заявительницей, и об убийстве заявительницы и членов ее семьи, основываясь на сведениях, поступивших от представителей заявительниц.

53. 12 августа 2003 г. неправительственная правозащитная организация «Мемориал» направила запрос в Генеральную прокуратуру Российской Федерации относительно убийств в станице Калиновская. В ответе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, датированном октябрём 2003 г., сообщалось, что все письма организации «Мемориал» были направлены в прокуратуру Чеченской Республики.

54. В ноябре 2003 г. вторая заявительница обратилась в прокуратуру Наурского района с заявлением о признании ее в качестве потерпевшей по уголовному делу № 48023. Ответа она не получила.

55. В своих замечаниях власти Российской Федерации представили дополнительную информацию о расследовании убийств. Согласно властям, 21 мая 2003 г. следователи осмотрели место преступления и собрали доказательства. Родственники погибших отказались выдать тела для проведения экспертизы. Ввиду этого, заключение судебно-медицинской экспертизы было составлено на основании медицинских документов. Заключение подтвердило наличие огнестрельных ранений, ставших причиной смерти. Также была проведена баллистическая экспертиза.

56. Как утверждали власти Российской Федерации, 21 мая 2003 г. следователи допросили восемь родственников и соседей погибших. Они также допросили 20 сотрудников правоохранительных органов. В июне 2003 г. следователь допросил И. и брата первой заявительницы, Б., которые оба были признаны потерпевшими. В мае и июле 2005 г. было проведен дополнительный допрос свидетелей. В июле 2003 г. и апреле 2005 г. следователи допросили родственников А.Г. и Т.И. и признали их потерпевшими. Вторая заявительница никогда не обращалась в прокуратуру в связи с убийством членов ее семьи. Поэтому, решение о признании ее потерпевшей было принято только 15 декабря 2005 г., но не было объявлено заявительнице, поскольку она отсутствовала по месту жительства.

57. По информации властей Российской Федерации, следствие установило, что 21 мая 2003 г. в период с трех часов 30 минут до четырех часов утра неустановленные лица в камуфлированной одежде и масках, вооруженные автоматическим оружием, вошли в три дока в станице Калиновская и убили шесть человек, включая первую заявительницу и трех членов ее семьи. Личности преступников установлены не были. Участие служащих войск особого назначения не подтвердилось в ходе расследования. По информации Объединенной группировки войск (ОГВ), военнослужащие ОГВ не участвовали 20 и 21 мая 2003 г. ни в каких операций в Наурском районе. Следователи изучили регистрационные журналы автомобилей, принадлежащих войсковым частям, расположенных в рассматриваемом районе, из которых следовало, что в указанную ночь ни один автомобиль на покинул место дислокации. Федеральная служба безопасности Российской Федерации также отрицала, что проводила какие-либо операции в этом районе.

58. Производство по уголовному делу № 48023 приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Следствие не установило преступников. По запросу Европейского Суда власти Российской Федерации представили ряд документов из материалов уголовного дела № 48023 (см. ниже).

5. Преследование второй заявительницы

59. Вторая заявительница утверждала, что после убийства первой заявительницы и ее семьи военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов угрожали ей и ее брату И. и преследовали их. Она утверждала, что примерно через два месяца после

указанных событий ее брат был на какое-то время задержан военными и что во время задержания его избивали и дурно с ним обращались. Вскоре после задержания он скрылся, никого не поставив об этом в известность, и вторая заявительница не располагает информацией относительно местонахождения своего брата.

60. Вторая заявительница также утверждала, что в неустановленный день в апреле 2003 г. к ее тете (сестре первой заявительницы), проживавшей в г. Грозном, пришли сотрудники прокуратуры Наурского района и спрашивали о ее местонахождении второй заявительницы. Тетя второй заявительницы ответила, что не знает, где находится вторая заявительница, поскольку у последней не было постоянного места жительства. Сотрудники прокуратуры Наурского района стали расспрашивать тетю заявительницы о жалобе в Европейский Суд: кто подал эту жалобу и почему прокуратура Наурского района не была уведомлена об этой жалобе. Вторая заявительница сообщила, что ее тетя не знала о том, что такая жалоба была подана в Европейский Суд, и поэтому ответила, что никакой жалобы ими не направлялось. Сотрудники прокуратуры Наурского района попросили тетю второй заявительницы подписать какие-то бумаги, не показывая ей их содержание, а также подписать чистые листы, однако она отказалась это сделать.

61. Вторая заявительница также утверждала, что 17 мая 2004 г. к ней во время ее пребывания в станице Калиновская подошли сотрудник местного отдела внутренних дел, сотрудник районной прокуратуры и три охранника. Они попросили вторую заявительницу предъявить паспорт гражданина Российской Федерации и забрали его. Затем у нее спросили, знакома ли ей статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконное хранение оружия), где она хранит свое оружие, что она делала в г. Грозном и станице Калиновская, а также какова была стоимость оружия. Вторая заявительница ответила, что она не имеет никакого отношения к оружию и у нее нет оружия. Вторая заявительница утверждала, что как только указанные лица увидели ее родственника, работавшего в органах безопасности, они вернули ей паспорт, сказали, что «просто хотели поговорить с ней», и ушли.

62. Вторая заявительница сообщила, что ее муж развелся с ней, поскольку он и его родственники опасались, что у них могут возникнуть проблемы из-за родства с ней. Она чувствовала страх и опасалась за свою безопасность, неприкосновенность и жизнь.

63. 24 июня 2004 г. Европейский Суд, действуя на основании правила 39 Регламента Суда, потребовал от властей Российской Федерации принять все меры для предотвращения какого-либо вмешательства в эффективное осуществление второй заявительницей ее права на подачу индивидуальной жалобы, закрепленного статьей 34 Конвенции. Эта мера была отменена 20 октября 2005 г.

64. В ответ на жалобу второй заявительницы об угрозах власти Российской Федерации сообщили, что прокуратура Наурского района провела проверку. Прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела, но позднее это решение было

отменено прокуратурой Чеченской Республики. По запросу Европейского Суда власти Российской Федерации представили ряд документов, касающихся этой процедуры (см. ниже раздел «В»).

65. Вторая заявительница утверждала, что 14 июля и 2 сентября 2004 г. следователи районной прокуратуры допрашивали ее и взяли у нее объяснения, касающиеся предполагаемых угроз в ее адрес. В июле 2004 г. имел место допрос в Наурской районной прокуратуре, а в сентябре [2004 г.] следователь приходил ко второй заявительнице на работу в больницу в г. Грозном.

66. Вторая заявительница представила Европейскому Суду свои показания и копию «объяснительной записки», написанной 14 июля 2004 г. Заявительница утверждала, что следователь уверил ее, что она будет защищена от дальнейших угроз и что в дальнейшем никто не будет ее беспокоить. Заявительница сообщила, однако, что допрос касался не только ее притеснений, но также некоторых подробностей ее жалобы в Европейский Суд и сведений о ее адвокате. Следователь предупредил ее, что она должна представлять правдивые сведения, иначе она могла подлежать преследованию за дачу ложных показаний. Вторая заявительница утверждала, что данный допрос явился для нее страшным опытом вследствие характера задаваемых ей вопросов, а также поскольку в тот момент она была беременна, должна была заботиться о своем двухлетнем ребенке, и, кроме этого, из-за того, что ее старшие родственники, присутствовавшие на допросе, были недовольны тем, что она подала жалобу в Европейский Суд, опасаясь за свою жизнь и безопасность. Заявительница также сослалась на в целом плохую ситуацию в сфере безопасности, когда каждый контакт с представителями правоохранительных органов воспринимался ею и ее семьей как угроза.

В. Документы, представленные властями Российской Федерации

67. После вынесения решения о приемлемости жалобы Европейский Суд потребовал от властей Российской Федерации представить копии ряда документов. В частности, властям было предложено представить документы, касавшиеся расследования по жалобам первой заявительницы на жестокое обращение, документы, подтверждающие правовой статус изолятора «Чернокозово» за определенный период, и документы, касающиеся обращений первой заявительницы за медицинской помощью, а также свидетельствующие о состоянии здоровья первой заявительницы. Европейский Суд также запросил у властей Российской Федерации копию материалов уголовного дела по факту убийства первой заявительницы и материалов проверки по жалобам второй заявительницы об угрозах. В ответ власти Российской Федерации представили около 100 страниц соответствующих материалов. Власти Российской Федерации утверждали, что представить остальные документы не представлялось возможным,

поскольку они содержали сведения о месторасположении и действиях военных и специальных подразделений и личные данные участников процесса. Власти Российской Федерации ссылались на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

68. Представленные документы перечислены ниже.

1. Документы, касающиеся содержания первой заявительницы под стражей и освобождения ее из-под стражи

69. В 2003 году изолятор временного содержания Наурского районного отдела внутренних дел (РОВД) сообщил следователю Наурской районной прокуратуры, что с 1 по 31 января 2000 г. первая заявительница не содержалась в указанном изоляторе.

70. В неустановленный день начальник следственного изолятора «Чернокзово» (ИЗ-20/2) сообщил прокурору Чеченской Республики, что первая заявительница содержалась в указанном изоляторе с 25 января по 16 февраля 2000 г. В последний указанный день заявительница была перевезена в Наурскую районную больницу. В письме прокурору также сообщалось, что копий материалов уголовного дела первой заявительницы, а также ее личного дела не сохранилось, за исключением карточек, оформляемых при поступлении в изолятор. В другом письме этого же должностного лица, составленном в 2003 году, отмечалось, что сообщить подробности о содержании первой заявительницы под стражей не представлялось возможным, поскольку в соответствующий период надлежащие записи не велись. В письме также сообщалось, что с ноября 1999 г. по февраль 2000 г. изолятор охранялся по назначению военнослужащими из других регионов и что установить этих лиц не представлялось возможным. С 8 февраля 2000 г. изолятор перешел в ведение Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики и руководился персоналом этого учреждения. После августа 2000 г. следственный изолятор функционировал под руководством Министерства юстиции Чеченской Республики.

71. В декабре 2005 г. Министерство юстиции Чеченской Республики выпустило письмо согласно которому Министерство на располагало сведений о функционировании приемника-распределителя «Чернокозово», а также о том, находился ли он в ведении Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики.

72. Власти Российской Федерации также представили копии записей в журналах о первой заявительнице и ее сыне Идрисе Идуеве. В карточке первой заявительницы были сведения о об имени заявительницы, дате и месте ее рождения, месте проживания. В карточке сообщалось, что заявительница поступила в изолятор 25 января 2000 г., а 16 февраля 2000 г. она была переведена в больницу. В записях об Идрисе Идуеве также содержались его личные данные и сообщалось, что 26 февраля 2000 г. его «проверили и освободили».

73. Власти Российской Федерации представили ряд документов, касающихся лечения первой заявительницы в районной больнице. В той части, в которой их можно прочесть, документы подтверждают, что 17 февраля 2000 г. первую заявительницу привезли на скорой помощи из «места содержания под стражей» в тяжелом состоянии, ей был поставлен диагноз «острая двусторонняя бронхиальная пневмония, сердечная недостаточность, стенокардия, обострение хронического холецистита и двусторонний пиелонефрит». В записях сообщалось, что первая заявительница заболела примерно за две недели до поступления в больницу в результате гипотермии. В больнице она проходила лечение до 15 марта 2000 г.

74. Из материалов, представленных властями Российской Федерации также следует, что в январе 2005 г. Наурская районная прокуратура провела проверку по жалобе первой заявительницы на жестокое обращение во время содержания под стражей. Проверка была инициирована докладом организации «Международная амнистия» (Amnesty International) о преследованиях в Чечне активистов, выступающих за защиту прав человека. В материалах имелась ссылка на записи в изоляторе «Чернокозово», согласно которым 6 февраля 2000 г. первой заявительнице был поставлен диагноз «трахеобронхит и холецистит», и она получила соответствующее лечение. Заявительница обратилась за медицинской помощью также 15 февраля 2000 г., когда у нее измеряли пульс и кровяное давление. 27 января 2005 г. следователь сообщил, что других записей не было, и постановил об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. В декабре 2005 г. надзирающий прокурор отменил указанное постановление и назначил проведение дополнительной проверки.

2. Документы, касающиеся расследования по факту убийства первой заявительницы

(а) Постановление о возбуждении уголовного дела

75. 21 мая 2003 г. прокурор Наурской районной прокуратуры возбудил уголовное дело по факту убийств А.Г., Т.И., первой заявительницы и трех членов ее семьи в станице Калиновская «неустановленными лицами в камуфлированной форме и масках, вооруженных автоматами». В постановлении указывалось на тип оружия: пистолет ПМ и автоматы Калашникова калибрами 7,62 мм и 5,45 мм. Уголовному делу был присвоен номер 48023. В тот же день заместитель прокурора Чеченской Республики создал следственную группу из 14 сотрудников Наурской районной прокуратуры и прокуратуры г.Грозного, а также из военных прокуратур и Министерства внутренних дел.

(b) Постановления о статусе потерпевшего

76. 4 июня 2003 г. сын первой заявительницы И. был признан потерпевшим по делу. 7 июня 2003 г. брат первой заявительницы М.Б. был также признан потерпевшим. В июле 2003 г. потерпевшими были признаны родственники Т.И., а в апреле и июле 2005 г. – родственники А.Г.

77. 15 и 28 декабря 2005 г. органы следствия вынесли постановления о признании второй заявительницы потерпевшей по делу. Постановления были направлены по почте по месту проживания заявительницы в станице Калиновская, но подпись заявительницы на этих документах не была получена.

(с) Постановления прокуроров

78. Материалы, представленные властями Российской Федерации, включали в себя ряд постановлений прокуроров о продлении срока предварительного расследования и о приостановлении и возобновлении производства по делу. В этих постановлениях указывались итоги определенных следственных действий, такие как запросы сведений, заключения судебной и дактилоскопической экспертизы и протоколы допросов свидетелей и потерпевших. В постановлениях также имелись ссылки на некую «директиву районного оперативного штаба» («директива РОШ»). Власти Российской Федерации не представили копий этих документов, и дальнейшие подробности об этих следственных мерах Европейскому Суду также представлены не были.

79. С 21 мая 2003 г. по 9 декабря 2005 г. следствие приостанавливалось четыре раза из-за отсутствия возможности установления виновных лиц. Каждый раз производство по делу возобновлялось надзирающим прокурором на том основании, что следствие было неполным. Последнее постановление о возобновлении производства по делу датировано 9 декабря 2005 г.

80. Лица, признанные потерпевшим по делу, были уведомлены о постановлениях о приостановлении и возобновлении производства по делу.

3. Документы, касающиеся расследования по жалобам второй заявительницы об угрозах

81. В июле 2004 г. следователь прокуратуры Чеченской Республики постановил провести проверку по указанным жалобам на основании сведений, полученных от Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

82. Следователи допросили вторую заявительницу, сотрудника местного отдела внутренних дел и сотрудника районной прокуратуры, охранников и родственников второй заявительницы. Они подтвердили, что в мае 2004 г. в станице Калиновская проводилась проверка паспортного режима, во время которой второй заявительнице были заданы вопросы о наличии запрещенных предметов, включая оружие, в ее доме.

Свидетели показали, что второй заявительнице не угрожали и она не подвергалась давлению. Материалы также подтверждают, что после того как прокуратуре были даны указания расследовать жалобу об угрозах, ряд заданных второй заявительнице и ее родственникам вопросов касался жалобы в Европейский Суд. Вторая заявительница сообщила, что ей не угрожали после ее обращения в Европейский Суд.

83. С июля 2004 г. по 15 декабря 2005 г. было вынесено четыре постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе второй заявительницы, но каждый раз постановление отменялось вышестоящим прокурором. В последнем постановлении заместителя прокурора Чеченской Республики от 15 декабря 2005 г. следователям было дано указание провести дополнительную проверку и допросить адвоката второй заявительницы об обстоятельствах дела.

С. Соответствующие документы Совета Европы

84. Изолятор «Чернокозово», где содержалась первая заявительница, находился под всесторонним наблюдением различных организаций по защите прав человека, включая Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП), вследствие заявлений об исключительно жестоком обращении с содержащимися под стражей лицами. 4 марта 2000 г. глава делегации Европейского комитета по предотвращению пыток господин Хайек в конце визита Европейского комитета по предотвращению пыток в Северокавказский регион Российской Федерации сделал заявление в адрес властей Российской Федерации. В заявлении говорилось, *inter alia*⁶, относительно визита в изолятор «Чернокозово»:

«...сведения, собранные делегацией, прямо указывают на то, что многие лица, содержащиеся в изоляторе «Чернокозово», подвергались в данном учреждении жестокому физическому обращению в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г. Члены делегации провели в разных местах индивидуальные и конфиденциальные допросы значительного числа людей, содержащихся в изоляторе «Чернокозово» в тот период. Была выявлена четкая система жестокого физического обращения с содержащимися под стражей лицами со стороны персонала учреждения. Предполагаемое дурное обращение в основном представляло собой удары ногами, кулаками и дубинками по разным частям тела (кроме лица). Как сообщалось, в основном содержащиеся под стражей лица подвергались жестокому обращению в центральном проходе изолятора, обычно тогда, когда содержащиеся под стражей лица препровождались в кабинет следователя для допроса, или когда их отводили обратно в камеры после допроса; по всей видимости, содержащиеся под стражей лица также время от времени подвергались жестокому обращению в кабинетах следователей. Предположительно, следователи были полностью осведомлены о жестоком

---

⁶ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (прим. переводчика).

обращении с содержащимися под стражей лицами, а некоторые из последних подтвердили, что жестокое обращение имело место на основании указаний следователей. В определенных случаях делегации удалось собрать медицинские доказательства, подтверждающие жалобы соответствующих заключенных о жестоком обращении».

85. 10 июля 2001 г. ЕКПП сделал публичное заявление, касающееся Чеченской Республики, на основании пункта 2 статьи 10 Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Данный шаг обусловило неказание властями Российской Федерации содействия ЕКПП по двум вопросам: i) проведение тщательного и независимого расследования относительно событий, имевших место в изоляторе «Чернокозово» в декабре 1999 г – начале февраля 2000 г.; ii) осуществление действий, направленных на установление и наказание лиц, виновны в жестоком обращении с лицами, лишенными свободы в Чеченской Республике в ходе текущего конфликта. В заявлении говорилось, в частности, следующее:

«I. Сведения, собранные Европейским комитетом по предупреждению пыток в ходе его визитов в Северокавказский регион в конце февраля – начале марта и в апреле 2000 г., явно указывали на то, что многие лица подверглись жестокому физическому обращению в изоляторе «Чернокозово» в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г. С начала марта 2000 г. Европейский комитет по предупреждению пыток пытался побудить власти Российской Федерации провести тщательное и независимое расследование относительно событий, имевших место в этом изоляторе в данный период. До настоящего времени расследование, запрошенное Европейским комитетом по предупреждению пыток, не было проведено, а власти Российской Федерации ясно показали, что не имеют каких-либо намерений организовывать такое расследование. Особое беспокойство вызывает позиция властей Российской Федерации, согласно которой они утверждают, что в указанный Европейским комитетом по предупреждению пыток период времени органами государственной власти не создавалось в Чернокозово каких-либо учреждений, предназначенных для содержания задержанных лиц.

Неоспоримым фактом является то, что изолятор функционировал в Чернокозово в период с декабря 1999 г по начало февраля 2000 г. до официального учреждения в селе следственного изолятора (СИЗО № 2) приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 8 февраля 2000 г. Члены делегации Европейского комитета по предупреждению пыток допросили многих людей, которые утверждали, что они содержались под стражей в изоляторе «Чернокозово» в этот период времени. Многие российские должностные лица (прокуроры, следователи, сотрудники мест лишения свободы), с которыми встречалась делегация, подтвердили, что учреждение, называемое с 8 февраля 2000 г. СИЗО № 2, до этого использовалось как место содержания под стражей. В наличии у Европейского комитета по предупреждению пыток имеется копия медицинского журнала данного учреждения, в котором день за днем отмечались поступления содержащихся под стражей лиц (и все имеющиеся

у них повреждения) в период с 8 ноября 1999 г. по 12 февраля 2000 г.; персонал, составлявший этот журнал, сначала называл данное учреждение «ИВС» (изолятор временного содержания), а позднее – «временный приемник-распределитель». Власти Российской Федерации сами в предшествующей переписке представили Европейскому комитету по предупреждению пыток письменные заявления, подписанные сотрудниками, подтверждающими, что они работали в месте содержания под стражей содержания в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г., а также письменные заявления, подписанные лицами, подтверждающими, что они содержались под стражей в Чернокозово в этот период.

Утверждение властей Российской Федерации о том, что органы государственной власти не учреждали каких-либо мест лишения свободы в Чернокозово в рассматриваемый период времени (и что, следовательно, запрашиваемое расследование не имеет смысла) явно несостоятельно и представляет собой нежелание сотрудничать с Европейским комитетом по предупреждению пыток».

86. 10 июля 2003 г. Европейский комитет по предупреждению пыток сделал второе публичное заявление, касающееся Чечни. Оно было вызвано утверждениями о продолжающемся применении пыток и других видов жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов и федеральных сил, действующих на территории Чеченской Республики. Комитет также ссылаясь на то, что действия, направленные на привлечение к ответственности лиц, несущих ответственность за жестокое обращение, были неинтенсивными и явно неэффективными.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

87. Указ Президента Российской Федерации № 1815 от 2 ноября 1993 г. «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества»⁷ предусматривал реорганизацию «приемно-распределительных центров» для лиц, задержанных органами внутренних дел за бродяжничество и попрошайничество, в центры социальной реабилитации таких людей. В соответствии с данным указом такие люди могли быть помещены в указанные центры на основании постановления прокурора на срок не более десяти дней.

88. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации запрещает разглашение данных предварительного расследования. Согласно части третьей указанной статьи данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора или следователя и только если разглашение не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не наносит ущерб расследованию. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

⁷ Отменен в феврале 2004 г. (прим. Европейского Суда).

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

89. В замечаниях, поданных после вынесения Европейским Судом решения о приемлемости жалобы, власти Российской Федерации утверждали, что расследование по жалобам заявительниц продолжалось и что жалобы должны быть отклонены в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

90. Европейский Суд повторяет, что согласно правилу 55 Регламента Суда любое заявление о неприемлемости жалобы должно представляться властями государства-ответчика в письменных или устных замечаниях по вопросу приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, ECHR 2001-VII, § 145, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (N.C. v. Italy), жалоба № 24952/94, ECHR 2002-X, § 44). Однако в своих замечаниях по вопросу приемлемости настоящей жалобы власти Российской Федерации не затронули этот вопрос. Более того, Европейский Суд не усматривает никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти Российской Федерации от обязанности представить свои предварительные возражения до вынесения Палатой Суда решения о приемлемости настоящей жалобы от 20 октября 2005 г. (см. Постановление Европейского Суда по делу «Прокопович против Российской Федерации» (Prokopovich v. Russia) от 18 ноября 2004 г., жалоба № 58255/00, § 29).

91. Следовательно, власти Российской Федерации лишены на данной стадии права заявлять предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см., *mutatis mutandis*⁸, Постановление Европейского Суда по делу «Браччи против Италии» (Bracci v. Italy) от 13 октября 2005 г., жалоба № 36822/02, § 35-37). Следовательно, предварительное возражение властей Российской Федерации должно быть отклонено.

II. ЖАЛОБЫ ПЕРВОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

A. *Locus standi*⁹

⁸ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (прим. переводчика).

⁹ *Locus standi* (лат.) – право обращения в суд, право быть выслушанным в суде (прим. переводчика).

92. Первая заявительница утверждала, что содержание ее под стражей в январе и феврале 2000 г. было незаконным и что она подвергалась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и пыткам во время нахождения под стражей. Первая заявительница была убита 21 мая 2003 г., после того как подала жалобу на основании статьи 34 Конвенции. Европейский Суд отмечает, что в разных случаях, когда заявитель умирал во время рассмотрения его жалобы конвенционными органами, Европейский Суд принимал во внимание заявления наследников умершего или членов его семьи, выразивших их желание поддерживать жалобу (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Калло против Венгрии» (Kalló v. Hungary) от 11 апреля 2006 г., жалоба № 30081/02, § 24). Европейский Суд полагает, что вторая заявительница, дочь первой заявительницы, которая выразила свое намерение продолжать участвовать в рассмотрении жалобы, имеет законный интерес в установлении того, что права первой заявительницы, гарантированные статьями 3 и 5 Конвенции, были нарушены (см., *mutatis mutandis*¹⁰, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Далбан против Румынии» (Dalban v. Romania), жалоба № 28114/95, , ECHR 1999-VI, § 1 и 39). Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что вторая заявительница как наследница первой заявительницы имеет право продолжать участвовать в рассмотрении дела.

В. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

93. Первая заявительница утверждала, что подвергалась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции. Она также утверждала, что соответствующие органы государственной власти не провели эффективного расследования по жалобам на жестокое обращение в изоляторе «Чернокозово» в соответствующий период. Статья 3 Конвенции звучит следующим образом:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

1. Доводы сторон

94. Первая заявительница жаловалась на жестокое обращение с ней и плохие условия содержания ее под стражей, в результате которых состояние ее здоровья существенно ухудшилось. Она утверждала, что власти Российской Федерации располагали достаточными сведениями о ситуации в изоляторе «Чернокозово», но не провели расследование. Она ссылалась на свои медицинские документы, а также на

---

¹⁰ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (*прим. переводчика*).

доклады, в которых говорилось о широко распространенной практике жестокого обращения с заключенными и о невыносимых условиях содержания под стражей.

95. Власти Российской Федерации утверждали, что после освобождения из-под стражи первая заявительница и ее сын не заявили никаких жалоб о предполагаемом жестком обращении. Первая заявительница получала медицинскую помощь во время нахождения под стражей. В медицинских документах, составленных при освобождении заявительницы из-под стражи, не имелось ссылок на имевшиеся у заявительницы телесные повреждения. В 2005 году прокуратура провела проверку по жалобам заявительницы, но не установила доказательств, которые бы сделали необходимым проведение расследования. В декабре 2005 г. проводилась дополнительная проверка.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Относительно жестокого обращения

96. В данном деле стороны разошлись во мнении относительно условий содержания первой заявительницы под стражей и ее жалоб о жестоком обращении. Следовательно, Европейский Суд начнет рассмотрение жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции с установления фактов.

97. Оценивая доказательства по делу, Европейский Суд обычно применял стандарт «доказывания вне всякого разумного сомнения» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), от 18 января 1978 г., Series A, № 25, p. 64 – 65, § 161). Однако доказывание может вытекать из сосуществования достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных нерушимых презумпций фактов. В том случае если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции органов государственной власти, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, явная презумпция фактов возникает в отношении вреда, полученного во время такого содержания под стражей. Действительно, можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью представить достаточное и убедительное объяснение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*) от 4 декабря 1995 г., Series A, № 336, § 34, и Постановление Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, *ECHR* 2000-VII, § 100). В отсутствие такого объяснения Европейский Суд может прийти к выводам, которые могут быть неблагоприятными для властей государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*) от 18 июня 2002 г., жалоба № 25656/94, § 274).

98. В данном деле первая заявительница утверждала, что подвергалась жестокому обращению, что условия содержания ее под стражей являлись

бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и что ей не была обеспечена надлежащая медицинская помощь, что привело к существенному ухудшению состояния ее здоровья. В подтверждение своих доводов заявительница представила свою версию событий вместе с показаниями другого заключенного и показаниями второй заявительницы, подтверждающие имевшиеся у первой заявительницы проблемы со здоровьем, а также сослалась на публично доступные сведения об условиях содержания в изоляторе «Чернокозово» в рассматриваемое время. Власти Российской Федерации представили ряд медицинских документов, составленных после освобождения первой заявительницы из-под стражи, которые подтверждали, что она была помещена в больницу в тяжелом состоянии и что она страдала от ряда тяжелых респираторных, сердечных заболеваний и воспалительных процессов в организме. Власти Российской Федерации утверждали, что дальнейшее расследование по жалобе было невозможным ввиду отсутствия записей и изменению состава персонала изолятора.

99. Ввиду особых обстоятельств настоящего дела Европейский Суд начнет с рассмотрения жалоб первой заявительницы относительно ухудшения состояния ее здоровья и относительно медицинской помощи, полученной ею во время нахождения под стражей. Из исследованных Европейским Судом материалов следует, что 17 февраля 2000 г. первая заявительница была госпитализирована в тяжелом состоянии и ей был поставлен диагноз: двусторонняя бронхопневмония, сердечная недостаточность, стенокардия, обострение хронического холецистита и двустороннего пиелонефрита (см. выше § 73). Хотя заболевания заявительницы можно частично объяснить состоянием ее здоровья в прошлом, острое ухудшение самочувствия во время пребывания под стражей вызывает сомнения относительно качества медицинской помощи, полученной заявительницей во время содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фарбтух против Латвии» (*Farbtuhs v. Latvia*) от 2 декабря 2004 г., жалоба № 4672/02, § 57).

100. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации ссылались на медицинские записи из изолятора «Чернокозово», согласно которым заявительница два раза обращалась за медицинской помощью (см. выше § 74). Власти Российской Федерации не представили копии эти записей в Европейский Суд, но, в любом случае, в них указывалось только диагностированное заболевание, а не способ лечения. Власти не объяснили, почему в записи от 15 февраля 2000 г. указывались только результаты измерения пульса и давления первой заявительницы, в то время как через два дня в районной больнице у заявительницы был выявлен ряд тяжелых респираторных и сердечных заболеваний, которые требовали срочного лечения.

101. Европейский Суд отмечает жалобы первой заявительницы на недостаточное отопление, переполненность и плохое питание, которые на оспаривались властями Российской Федерации. Выводы ЕКПП относительно ситуации в изоляторе

«Чернокозово» в рассматриваемое время предоставляют в определенной степени достоверное основание для оценки условий содержания заявительницы под стражей (см. в качестве еще одного примера, когда Европейский Суд ссылается на выводы ЕКПП, Постановление Европейского Суда по делу «Кехайов против Болгарии» (*Кеhауov v. Bulgaria*) от 18 января 2005 г., жалоба № 41035/98, § 66). Европейский Суд согласен, что условия, описанные первой заявительницей, неизбежно обусловили бы ухудшение состояния ее здоровья, особенно в том что касается респираторных и сердечных заболеваний.

102. В итоге, Европейский Суд убежден, что рассмотренные им сведения подтверждают утверждение первой заявительницы об остром ухудшении состояния ее здоровья в изоляторе, что было как минимум частично вызвано условиями содержания заявительницы под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи. При таких обстоятельствах на властях Российской Федерации лежала обязанность опровергнуть утверждения заявительницы. Однако власти не смогли представить ни одного документа, касавшегося содержания первой заявительницы под стражей, или объяснить, какая именно медицинская помощь оказывалась заявительнице и сообщить подробности лечения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Островар против Молдавии» (*Ostrovar v. Moldova*) от 13 сентября 2005 г., жалоба № 35207/03, § 86).

103. В качестве следующего шага Европейский Суд перейдет к рассмотрению того, свидетельствуют ли указанные факты о нарушении статьи 3 Конвенции, которая закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы (см. среди других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, *ECtHR* 2000-IV, § 119).

104. Для того чтобы попасть в сферу действия статьи 3 Конвенции, жесткое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна. Она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. среди других примеров приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), p. 65, § 162).

105. Государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, чтобы порядок и способ исполнения такой меры не подвергал лицо моральным переживаниям и страданиям, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страдания, присущий содержанию под стражей, и чтобы – принимая во внимание практические

потребности, вытекающие из применения такой меры, как лишение свободы – здоровье лица и его благополучие обеспечивались бы надлежащим образом, в том числе путем обеспечения ему необходимой медицинской помощи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, *ECHR* 2000-XI, § 94). При оценке условий содержания под стражей должен приниматься во внимание кумулятивный эффект таких условий, а также продолжительность содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дугоз против Греции» (*Dugoz v. Greece*), жалоба № 40907/98, *ECHR* 2001-II, § 46, и Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, *ECHR* 2002-VI, § 102).

106. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает наличие доказательств, свидетельствовавших о серьезном ухудшении состояния здоровья первой заявительницы во время содержания ее под стражей. Европейский Суд также считает установленным, что во время содержания первой заявительницы под стражей ей ни в одном из случаев не была оказана необходимая медицинская помощь. Первая заявительница явно страдала от физических проявлений состояния ее здоровья, и это состояние было в дальнейшем ухудшено плохим питанием заключенных и условиями содержания под стражей, а также ненадлежащим качеством медицинской помощи. Европейский Суд рассмотрит вопросы, связанные с законностью содержания первой заявительницы под стражей, в свете изложенных ниже жалоб на нарушение статьи 5 Конвенции, однако Европейский Суд отмечает, что в рассматриваемое время правовой статус изолятора не был точно определен. При таких обстоятельствах было невозможно должным образом обеспечить рассмотрение жалоб заключенных или обеспечить надлежащую медицинскую помощь.

107. Принимая во внимание возраст первой заявительницы, общее состояние ее здоровья, продолжительность и условия содержания ее под стражей и особые последствия, которые содержание под стражей повлекло для заявительницы, Европейский Суд полагает, что ухудшение состояния здоровья заявительницы, в сочетании с плохими условиями содержания под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи, повлекли за собой страдания такого уровня, которые явились бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в нарушение требований статьи 3 Конвенции.

(b) Относительно эффективного расследования по жалобам на жестокое обращение

108. Первая заявительница утверждала, что власти были хорошо осведомлены о плохих условиях содержания под стражей и широком распространении жестокого обращения в изоляторе «Чернокозово» в рассматриваемое время и должны были предпринять активные шаги по расследовании этих жалоб. Власти Российской

Федерации утверждали, что после освобождения из-под стражи первая заявительница не подавала никаких жалоб на жестокое обращение. В любом случае, прокурорская проверка 2005 года не выявила обстоятельств, которые обусловили бы необходимость проведения уголовного расследования.

109. Европейский Суд отмечает, что на основании представленной сторонами информации он установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с ухудшением состояния здоровья первой заявительницы и отсутствием надлежащей медицинской помощи во время нахождения заявительницы под стражей. Правовой статус изолятора обсужден ниже при рассмотрении жалоб на нарушение статьи 5 Конвенции. Ввиду изложенного Европейский Суд полагает, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о соблюдении процессуальной составляющей статьи 3 Конвенции.

С. Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции

110. Первая заявительница утверждала, что содержание ее под стражей с января по февраль 2000 г. являлось незаконным и не отвечало соответствующим гарантиям статьи 5 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

1. Доводы сторон

111. В связи с вопросом о законности содержания ее под стражей первая заявительницы отвергала утверждение властей Российской Федерации о том, что заявительница была задержана в рамках борьбы с бродяжничеством. Она подчеркивала, что ее забрали под стражу из ее собственного дома, что ее имя и род занятий были известны властям, что срок содержания ее под стражей превышал максимально разрешенные десять дней, установленные Указом, и, самое важное, что в документе, оформленном Наурским РОВД на ее имя 2 марта 2000 г., особо указывалось на проверку причастности заявительницы к деятельности незаконных вооруженных формирований. По мнению заявительницы, власти Российской Федерации не указали правовой статус изолятора в Чернокозово, и содержание под стражей в этом учреждении не могло считаться соответствующим положениями статьи 5 Конвенции.

112. Власти Российской Федерации утверждали, что содержание заявительницы под стражей был законным и было основано на положения Указа Президента Российской Федерации, направленного на борьбу с бродяжничеством. Власти ссылались на имевшуюся информацию о статусе изолятора в Чернокозово, из которой следовало, что все записи, касающиеся рассматриваемого периода, были уничтожены и отсутствовала возможность установить орган государственной власти, который отвечал бы за деятельность изолятора, или установить лиц, которые охраняли учреждение до 8 февраля 2000 г. После этой даты данное учреждение стало функционировать как следственный изолятор.

2. Мнение Европейского Суда

113. Европейский Суд подчеркивает фундаментальную важность содержащихся в статье 5 Конвенции гарантий, обеспечивающих право лица в демократическом обществе на свободу от произвольного лишения свободы властями. В этой связи

Европейский Суд подчеркивал, что любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с материальными и процессуальными положениями внутригосударственного законодательства, но и равным образом должно отвечать цели статьи 5 Конвенции: защите лица от произвольного лишения свободы. Чтобы минимизировать риск произвольного помещения под стражу, статья 5 Конвенции закрепляет ряд материально-правовых положений, направленных на обеспечение возможности исследования каждого акта лишения свободы независимым судом, а также закрепляет ответственность властей за применение этой меры. Европейский Суд также установил, что непризнанное¹¹ содержание лица под стражей является полным отрицанием этих гарантий и свидетельствует о серьезном нарушении статьи 5 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакиджи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, *ECHR* 1999-IV, § 104, и Постановление Европейского Суда по делу «Чичек против Турции» (*Çiçek v. Turkey*) от 27 февраля 2001 г., жалоба № 25704/94, § 164).

114. Ввиду ссылки властей Российской Федерации на содержание первой заявительницы под стражей в рамках закона, касающегося предотвращения бродяжничества, Европейский Суд сначала рассмотрит, можно ли считать, что содержание первой заявительницы под стражей попадает в сферу действия подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

115. Стороны не оспаривают, что первая заявительница была задержана у себя дома 25 января 2000 г. и освобождена из-под стражи 17 февраля 2000 г. Таким образом, она провела под стражей 24 дня. Европейский Суд отмечает, что Указ № 1815 позволял помещать лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество, в приемник на основании постановления прокурора на срок до десяти дней. Даже если предположить, что Указ мог быть применен в настоящем деле и что, поэтому, содержание под стражей могло попадать под действие подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, власти Российской Федерации никогда не утверждали, что существовало постановление прокурора о помещении первой заявительницы под стражу, и не объяснили, почему заявительницы содержалась под стражей более десяти дней. В материалах, рассмотренных Европейским Судом, нет ссылки на такие документы. Таким образом, содержание первой заявительницы под стражей не соответствовало законодательству Российской Федерации или соответствующим положениям подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

116. Далее, Европейский Суд отмечает, что в документе, оформленном на имя первой заявительницы начальником Наурского РОВД 2 марта 2000 г., сообщалось, что с 25 января по 26 февраля 2000 г. расследовалось предполагаемое участие первой заявительницы в незаконных вооруженных формированиях. Из этого документа

---

¹¹ *Unacknowledged detention* (англ.) – фактическое задержание лица (ограничение его свободы), которое отрицается властями и, следовательно, не оформлено документально (*прим. переводчика*).

следует, что настоящей причиной помещения заявительницы под стражу было подозрение в совершении ею преступления. Однако, по-видимому, внутригосударственные процедуры по задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступления, были полностью проигнорированы в данном случае. Обвинение заявительнице предъявлено не было, компетентные органы власти не выносили постановлений о задержании заявительницы или об освобождении ее из-под стражи, а содержание заявительницы под стражей не было связано ни с каким расследованием. Первая заявительница не располагала гарантиями, предоставляемыми лицам, лишенным свободы. Европейский Суд может назвать такое содержание под стражей только произвольным и полностью противоречащим требованиям законности.

117. Кроме того, по-видимому, правовой статус изолятора «Чернокозово», в котором первая заявительница содержалась с 25 января по 17 февраля 2000 г., был разъяснен в лучшем случае 8 февраля 2000 г., когда, как сообщили власти Российской Федерации, он был передан в ведение Министерства юстиции Чеченской Республики (см. выше § 25). Европейский Суд отмечает ряд документов, которые противоречат даже этому утверждению: приказ Министерства юстиции от 8 августа 2000 г. о передаче следственного изолятора из ведения Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики в Министерство юстиции Чеченской Республики (см. выше § 26), однако в 2005 году прокуратура не смогла получить информацию о предполагаемом нахождении изолятора в ведении Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики до 8 августа 2000 г. или установить лиц, которые служили там охранниками (см. выше § 70 – 71).

118. В этой связи Европейский Суд также отмечает приведенные выше документы ЕКПП, а именно публичное заявление от 10 июля 2001 г., в котором указывалось на отсутствие четкого правового статуса изолятора «Чернокозово» до 8 февраля 2000 г., а власти Российской Федерации призывались провести тщательную и независимую проверку по этому вопросу. Европейский Суд считает непостижимым тот факт, что в государстве, где действует принцип верховенства права, человек может быть лишен свободы и помещен в учреждение, которое на протяжении значительного срока не контролируется ни одним из компетентных органов государственной власти. Эта ситуация поощряет безнаказанность всех видов злоупотреблений и абсолютно несовместима с принципом ответственности властей за лиц, находящихся под их контролем. Как только эта ситуация попала в сферу внимания компетентных властей, она должна была обусловить принятие незамедлительных и всесторонних действий, направленных на установление и привлечение к ответственности виновных лиц, на предоставление компенсации потерпевшим и обеспечение того, что в будущем такая ситуация не повторится. Европейский Суд поражен тем фактом, что указанные действия не были осуществлены.

119. В итоге, Европейский Суд полагает, что содержание первой заявительницы под стражей с 25 января по 17 февраля 2000 г. было произвольным и противоречило основополагающим аспектам принципа верховенства права в нарушение положений статьи 5 Конвенции.

II. ЖАЛОБЫ ВТОРОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

А. Мнение Европейского Суда относительно доказательств и установления фактов

1. Доводы сторон

120. Вторая заявительница утверждала, что ее мать и трое других родственников были убиты государственными военнослужащими. Она ссыалась на показания свидетелей, которые сообщили, что преступники носили камуфлированную форму, разговаривали по-русски и ездили на военных автомобилях через блок-посты на дорогах во время комендантского часа. Заявительница также отметила, что власти Российской Федерации не представили доказательств эффективного расследования по факту убийств, а также не обосновали вывод о том, что органы государственной власти не несли ответственности за убийства.

121. Власти Российской Федерации утверждали, что обстоятельства убийства первой заявительницы и еще пяти лиц в станице Калиновская 21 мая 2003 г. не были установлены. Следствие не установило доказательств, подтверждающих причастность к преступлению сотрудников войск специального назначения. Власти ссылались на информацию, собранную следствием, согласно которой никакие военнослужащие ОГВ не принимали участия в специальных операциях в районе в рассматриваемый день, а военные автомобили, дислоцированные в районе, не применялись указанной ночью (см. выше § 57).

2. Подпункт «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции и выводы Европейского Суда

122. В подпункте «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции указано следующее:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия».

Прежде чем перейти к оценке доказательств, Европейский Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальной жалобы,

установленной статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы государство обеспечило все необходимые условия для эффективного рассмотрения жалоб (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» (*Tanrıku lu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, *ECHR* 1999–IV, § 70). Производству по жалобам такого рода – когда лицо обвиняет представителей государства в нарушении его прав, гарантированных Конвенцией – присуще такое положение дел, что в ряде случаев, только власти государства-ответчика имеют доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть жалобу. Непредоставление властями государства-ответчика такой информации, которая находится в их распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только дать основания для вывода об обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на степени соблюдения государством-ответчиком своих обязательств, предусмотренных подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» (*Timurtaş v. Turkey*), жалоба № 3531/94, *ECHR* 2000-VI, § 66).

123. Относительно внутригосударственного расследования по факту убийства первой заявительницы Европейский Суд отмечает, что 20 октября 2005 г. властям Российской Федерации было предложено представить все материалы уголовного дела. В ответ власти Российской Федерации представили ряд документов из материалов дела и краткое описание следственных действий (см. выше § 55 – 58 и 75 – 80).

124. Европейский Суд отмечает, что представленные властями Российской Федерации документы явно составляют только небольшую часть материалов уголовного дела. Например, в них нет ни одного из многочисленных свидетельских показаний, включая показания И., других родственников второй заявительницы, семей других потерпевших и показаний военнослужащих, заключений судебно-медицинской и баллистической экспертизы, протокола осмотра места происшествия, запросов и ответов, касающихся предполагаемого участия в убийствах правоохранительных органов или Вооруженных Сил. Власти Российской Федерации утверждали, что разгласить содержание этих материалов было невозможно, поскольку они содержали сведения о расположении и действиях военных и специальных подразделений и личные данные об участниках процесса, и ссылались на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса (см. выше § 67).

125. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не просили применить пункт 2 правила 33 Регламента Суда, который позволяет ограничить принцип публичности материалов, представляемых в Европейский Суд, с законными целями, такими как защита интересов национальной безопасности и личной жизни сторон, а также соблюдение интересов правосудия. Европейский Суд также отмечает, что в ряде случаев он установил, что положения статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса не могут рассматриваться как

препятствие для разглашения содержания материалов уголовного дела, рассмотрение которого еще не завершено (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Михеев против Российской Федерации» (Mikheyev v. Russia) от 26 января 2006 г., жалоба № 77617/01, § 104). Поэтому, Европейский Суд полагает объяснения властей Российской Федерации недостаточными для оправдания сокрытия существенно важной информации, запрошенной Европейским Судом.

126. Следовательно, Европейский Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения властей Российской Федерации. Кроме того и ссылаясь на важность сотрудничества властей государства-ответчика в рамках конвенционных процедур (см. выше § 122), Европейский Суд полагает, что власти Российской Федерации не выполнили свои обязательства, предусмотренные подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции по обеспечению Европейскому Суду всех необходимых условий для установления фактов.

3. Оценка фактов Европейским Судом

127. Вторая заявительница настаивала, что ее мать (первая заявительница), отец, брат и дядя были незаконно убиты представителями власти 21 мая 2003 г.

128. Власти Российской Федерации отрицали какую-либо причастность государства к убийствам и отмечали, что следствие не установило виновных лиц.

129. Европейский Суд сошлется на ряд принципов, выработанных в его правоприменительной практике при установлении фактов, по поводу стороны не пришли к соглашению (см. выше § 97). В этом контексте следует принимать во внимание действия сторон при получении доказательств (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. the United Kingdom), p. 64 – 65, § 161).

130. Европейский Суд особенно чутко относится к второстепенному характеру своей роли и признает, что должен проявлять осторожность при принятии на себя функции суда первой инстанции при рассмотрении вопросов фактов, если обстоятельства конкретного дела позволяют этого избежать (см., например, Решение Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства» (McKerr v. the United Kingdom) от 4 апреля 2000 г., жалоба № 28883/95). Тем не менее, в свете значимости защиты, гарантированной статьей 2 Конвенции, Европейский Суд должен проводить особенно тщательную проверку по фактам лишения жизни, принимая во внимание не только действия представителей государственной власти, но также и все сопутствующие обстоятельства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Авшар против Турции» (Avşar v. Turkey), жалоба № 25657/94, ECHR 2001-VII, § 283).

131. Европейский Суд уже отметил факт непредставления властями Российской Федерации соответствующих документов из материалов уголовного дела, касающихся обстоятельств убийства первой заявительницы, таких как показания очевидцев

событий, показания родственников жертв и сотрудников правоохранительных органов и иные относящиеся к делу документы (см. выше § 126). По мнению Европейского Суда, эти документы явились бы решающими при проверке точности утверждений заявительницы относительно причастности военнослужащих к убийствам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тепе против Турции» (*Tepe v. Turkey*) от 9 мая 2003 г., жалоба № 27244/95, § 48 и 163).

132. Европейский Суд также отметил сложности, с которыми столкнулись заявительницы при получении необходимых доказательств в поддержку своих утверждений в случаях, когда власти Российской Федерации располагали соответствующими документами и не представляли их. Если заявитель предъявляет достаточно серьезные доказательства для возбуждения дела, а Европейский Суд не может сделать выводы по вопросам фактов из-за недостатка указанных документов, именно власти государства-ответчика должны в итоге объяснить, почему рассматриваемые документы не могут служить подтверждением доводов заявителя, либо предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили оспариваемые события. Таким образом, бремя доказывания возложено на власти государства-ответчика, и если власти представят ненадлежащие доводы, то возникнут вопросы, связанные с применением статьи 2 и/или статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тоджу против Турции» (*Toğcu v. Turkey*) от 31 мая 2005 г., жалоба № 27601/95, § 95, Постановление Европейского Суда по делу «Аккум и другие против Турции» (*Akkum and Others v. Turkey*), жалоба № 21894/93, *ECtHR* 2005-II, § 211).

133. Вторая заявительница представила показания трех очевидцев событий, а именно ее брата И. и двух соседей. Они описывали преступников как военных или сотрудников специальных сил, поскольку они говорили по-русски, носили камуфлированную форму и шлемы, располагали автомобилями УАЗ, оборудованными антеннами, беспрепятственно передвигались во время комендантского часа и их действия отличали признаки, характерные для специальных операций, такие как проверка паспорта соседки Д., который был позднее найден в доме первой заявительницы. Свидетели также утверждали, что военнослужащие на блок-постах вокруг станции сообщили им, что была группа со «специальным разрешением». Один из свидетелей отметил мешок на голове брата первой заявительницы, похожий на используемые военнослужащими при задержании лиц (см. выше § 37–46 и 49). Свидетели отметили схожесть и бесспорный стиль исполнения всех шести убийств. Неправительственная организация «Мемориал», которая сообщила об убийствах 26 мая 2003 г., также представила доводы в пользу того, что преступления совершили представители государственной власти (см. выше § 51).

134. Европейский Суд отмечает в этой связи представленные властями Российской Федерации сведения об определенных документах, исследованных во

время проверки, которые не подтвердили участие военнослужащих или военных автомобилей в операциях в Наурском районе 21 мая 2003 г. Однако этот довод не был подтвержден. Власти Российской Федерации не представили копий этих документов и даже не уточнили в дальнейшем их содержание. Кроме того, содержание рассматриваемых документов не может быть уточнено, исходя из материалов уголовного дела, представленных в Европейский Суд. Европейский Суд подчеркивает в этом отношении, что он проводит оценку доказательств и устанавливает факты и обязан принять решение о доказательственной ценности представленных ему документов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Челикбилек против Турции» (*Çelikbilek v. Turkey*) от 31 мая 2005 г., жалоба № 27693/95, § 71). В данном деле Европейский Суд устанавливает, что власти Российской Федерации не представили ключевые данные следствия, которые могли бы пролить свет на обстоятельства убийства первой заявительницы и трех членов ее семьи.

135. В свете изложенного Европейский Суд полагает, что вторая заявительница предъявила достаточно серьезные доказательства того, что ее родственники были казнены без суда представителями государственной власти 21 мая 2003 г. Власти Российской Федерации не представили объясняющих ситуацию документов. Утверждение властей Российской Федерации о том, что следствие не обнаружило доказательств причастности к убийствам специальных вооруженных сил, не является достаточным, чтобы снять с властей указанное бремя доказывания. Европейский Суд также полагает, что он может сделать выводы из действий властей Российской Федерации относительно материалов расследования.

136. Поэтому, на основании изложенного Европейский Суд приходит к выводу о том, что ответственность за смерть родственников второй заявительницы несет государство.

В. Предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции

137. Вторая заявительница утверждала, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с убийством первой заявительницы и трех членов ее семьи. Она также утверждала, что по фактам убийств не было проведено эффективное расследование. Статья 2 Конвенции звучит следующим образом:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. ...».

1. Убийство родственников второй заявительницы

138. Вторая заявительница утверждала, что ее мать, отец, брат и дядя были убиты представителями государственной власти в нарушение статьи 2 Конвенции.

139. Власти Российской Федерации отрицали это утверждение.

140. Статья 2 Конвенции, закрепляющая право на жизнь и обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, является один из самых значимых положений Конвенции, отступление от которого не допускается. Вместе со статьей 3 Конвенции она закрепляет одну из основных ценностей демократических сообществ, составляющих Совет Европы. Поэтому, обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, должны быть строго определены. Предмет и цель Конвенции, как инструмента защиты человека, также требуют, чтобы статья 2 Конвенции толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать содержащиеся в ней гарантии применимыми на практике и эффективными (см. Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. the United Kingdom) от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, p. 45 – 46, § 146 – 147).

141. Европейский Суд уже установил, что ответственность за смерть родственников второй заявительницы несет государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения представителями власти насилия, приведшего к смерти, Европейский Суд полагает, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи со смертью Зуры Битиевой, Рамзана Идужева, Идриса Идужева и Абибакара Битиева.

2. Предполагаемое ненадлежащее качество расследования

142. Вторая заявительница утверждала, что расследование по факту смерти ее матери, отца, брата и дяди было неэффективным.

143. Власти Российской Федерации оспорили это утверждение и сообщили, что расследование отвечало требованиям Конвенции и внутригосударственного законодательства.

144. Европейский Суд повторяет, что обязанность защищать жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, прочитанной в совокупности с предусмотренной статьей 1 Конвенции общей обязанностью государства «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», подразумевает, что должна иметь место как минимум какая-то форма эффективного официального расследования, если люди погибли в результате применения силы. Европейский Суд ссылается на свою практику, касающуюся рамок этой обязанности (см. в качестве недавнего примера краткое изложение соответствующих принципов в Постановлении Европейского Суда по делу «Эстамиров и другие против Российской Федерации» (Estamirov and Others v. Russia) от 12 октября 2006 г., жалоба № 60272/00, § 85 – 87).

145. В данном деле по факту убийства первой заявительницы и трех членов ее семьи было проведено расследование. Европейский Суд должен рассмотреть, отвечало ли это расследование требованиям статьи 2 Конвенции.

146. Европейский Суд отмечает, что ввиду непредставления властями Российской Федерации большей части материалов уголовного дела и неразглашения содержания этих документов, возможность Суда сделать вывод о надлежащем характере расследования ограничена. Европейский Суд уже отметил непредставление властями Российской Федерации ключевых сведений их материалов следствия (см. выше § 136). В итоге Европейский Суд не осведомлен об объеме или хотя бы датах большей части следственных действий. Европейский Суд полагает, что в данном случае он также может сделать четкие выводы из поведения властей Российской Федерации и предположить, что представленные ему материалы были подобраны так, чтобы продемонстрировать в максимально возможной степени эффективность рассматриваемого расследования. Поэтому, Европейский Суд рассмотрит настоящую жалобу на основании имеющихся материалов и в свете указанных выводов.

147. Во-первых, Европейский Суд отмечает, что власти были незамедлительно уведомлены об убийствах и что расследование было начато в день совершения преступления. По-видимому, в тот же день был осуществлен ряд важных действий, таких как осмотр места происшествия и допрос некоторых свидетелей. Видимо, изложенная второй заявительницей версия событий заслужила хоть какого-то внимания со стороны органов следствия, которые в определенный момент запросили сведения о проводившихся в районе специальных операциях и о местонахождении военнослужащих и военной автомобильной техники в рассматриваемый день.

148. Несмотря на эти усилия, расследование убийств так и не было завершено, и виновные не были установлены и наказаны. Хотя предусмотренная статьей 2 Конвенции обязанность провести эффективное расследование является не обязанностью достижения результата, а обязанностью использования определенных методов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Авшар против Турции» (*Avşar v. Turkey*), жалоба № 25657/94, *ECHR* 2001-VII (извлечения), § 394), Европейский Суд с удивлением отмечает, что представленные властями Российской Федерации постановления прокуроров не свидетельствуют о каком-либо видимом прогрессе на протяжении более чем двух с половиной лет в расследовании убийств четырех членов семьи второй заявительницы и еще двух жителей станицы (см. выше § 57 и 78 – 79). В постановлении прокурора от 9 декабря 2005 г. перечислены те же факты, что и в постановлении от 21 мая 2003 г. о возбуждении уголовного дела. Таким образом, по-видимому, расследование не смогло привести к установлению количества преступников, выявлению того, использовали ли они автомобили, установлению последовательности действий преступников, маршрутов, какими они вошли в станицу и вышли из нее, или тип использованного оружия. Особо важно, что, по-видимому,

расследование не смогло привести к установлению какого-либо мотива убийств или к объяснению того, что произошло в ту ночь в станице Калиновская. Европейский Суд также отмечает, что в ноябре 2003 г. вторая заявительница просила признать ее потерпевшей, но решение по этому вопросу было принято только в 2005 году (см. выше § 34 и 77). По-видимому, потерпевшим сообщались сведения только о приостановлении или возобновлении расследования, и в соответствующих письмах не сообщалось о каком-либо прогрессе в расследовании преступления (см. выше § 80).

149. В данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что власти Российской Федерации не выполнили свою обязанность по проведению эффективного, незамедлительного и тщательного расследования убийства первой заявительницы и трех других родственников второй заявительницы. Следовательно, в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

С. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

150. Вторая заявительница утверждала, что чувство страха, страдания и переживания, которые она испытала в результате убийства четырех близких членов ее семьи, явились обращением, противоречащим статье 3 Конвенции.

151. Помимо простого отрицания фактической основы утверждений заявительницы, власти Российской Федерации особо не рассматривали жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции.

152. В рамках статьи 3 Конвенции Европейский Суд ранее устанавливал, что могут возникать вопросы в отношении близких родственников «исчезнувших» лиц, если пережитые заявителями страдания и переживания причинили им страдания степени тяжести, достаточной, чтобы охарактеризовать действия властей как бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции. Будет ли член семьи «исчезнувшего» человека считаться жертвой обращения, нарушающего положения статьи 3 Конвенции, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям родственникам жертвы степень и характер, отличающие их от неизбежных переживаний родственников лиц, ставших жертвами серьезного нарушения прав человека. К соответствующим элементам относятся близость семейных связей, особые обстоятельства взаимоотношений, объем событий, очевидцем которых был родственник жертвы, участие членов семьи в попытках получения информации об исчезнувших лицах и способ, которым власти отвечали на эти запросы (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), § 357 – 360). В некоторых случаях Европейский Суд распространил применение статьи 3 Конвенции на родственников убитых лиц, если сведениям об их смерти предшествовал длительный период исчезновения, который, таким образом, повлек за собой неуверенность, страдания и переживания, характерные для случаев

исчезновения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против Российской Федерации» (*Luluyev and Others v. Russia*), жалоба № 69480/01, *ECHR* 2006-..., § 115). Европейский Суд неоднократно отказывался распространять применение статьи 3 Конвенции на родственников лиц, убитых властями в нарушение статьи 2 Конвенции, в отличие от родственников лиц, ставших жертвами насильственного исчезновения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ясин Атеш против Турции» (*Yasin Ateş v. Turkey*) от 31 мая 2005 г., жалоба № 30949/96, § 135), или случаев неоправданного применения представителями государственной власти силы, приведшей к смерти жертвы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Исаева и другие против Российской Федерации» (*Isayeva and Others v. Russia*) от 24 февраля 2005 г., жалобы № 57947/00, 57948/00 и 57949/00, § 229).

153. Согласно указанной правоприменительной практике, хотя он и не сомневается, что смерть членов ее семьи причинила второй заявительницы тяжелые страдания, Европейский Суд, тем не менее, не усматривает оснований для установления нарушения статьи 3 Конвенции в этом контексте.

D. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 2 Конвенции

154. Вторая заявительница утверждала, что она не располагала эффективными средствами правовой защиты в связи с указанными нарушениями вопреки требованиям статьи 13 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

155. Власти Российской Федерации не согласились с жалобой и сослались на продолжающееся расследование по фактам убийств.

156. Европейский Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на внутригосударственном уровне средства правовой защиты, направленного на обеспечение предусмотренных Конвенцией прав и свобод, в какой бы форме они ни были закреплены во внутригосударственном правовом порядке. Учитывая основополагающее значение права на защиту жизни, статья 13 Конвенции требует, в дополнение к выплате компенсации (если это уместно), проведения тщательного и эффективного расследования, способного установить и привлечь к ответственности лиц, виновных в лишении жизни и в обращении, противоречащем статье 3 Конвенции, включая эффективный доступ лица, подавшего жалобу, к процедуре расследования, которое способно установить и привлечь к ответственности виновных лиц (см.

Постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» (Anguelova v. Bulgaria), жалоба № 38361/97, *ECHR* 2002-IV, § 161 – 162, и Постановление Европейского Суда по делу «Сюхейла Айдын против Турции» (Süheyla Aydın v. Turkey) от 24 мая 2005 г., жалоба № 25660/94, § 208). Европейский Суд также повторяет, что обязанности, предусмотренные статьей 13 Конвенции, шире, чем предусмотренные статьей 2 Конвенции обязанности Договаривающего Государства по проведению эффективного расследования (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хашиев и Акаева против Российской Федерации» (Khashiyev and Akayeva v. Russia) от 24 февраля 2005 г., жалобы № 57942/00 и 57945/00, § 183).

157. Ввиду указанных выше выводов Европейского Суда относительно статьи 2 Конвенции, эти жалобы явно «подлежат доказыванию» в целях статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (Boyle and Rice v. the United Kingdom) от 27 апреля 1988 г., Series A, № 131, р. 23, § 52). Следовательно, вторая заявительница должна была бы иметь в своем распоряжении эффективные и применимые на практике средства правовой защиты, способные привести к установлению и наказанию виновных лиц и к присуждению компенсации в целях статьи 13 Конвенции.

158. Следовательно, в обстоятельствах, аналогичных настоящему делу, когда расследование по факту смерти является неэффективным (см. выше § 144 – 151) и, следовательно, подорвана эффективность иных возможных средств правовой защиты, включая гражданско-правовые, государство считается не выполнившим свою обязанность, предусмотренную статьей 13 Конвенции.

159. Следовательно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 2 Конвенции.

Е. Предполагаемое невыполнение обязательств, предусмотренных статьей 34 Конвенции

160. Вторая заявительница утверждала, что имело место нарушение властями Российской Федерации статьи 34 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ... которое утверждает, что явилось жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон его прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

161. Вторая заявительница утверждала, что власти Российской Федерации нарушили свою обязанность, предусмотренную статьей 34 Конвенции, не препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы тем, что

убили первую заявительницу за подачу ею жалобы в суд в г. Страсбурге, что угрожали второй заявительнице и допрашивали ее о деталях ее жалобы в Европейский Суд, несмотря на уязвимое положение заявительницы. Заявительница утверждала, что получение от нее «объяснений» и вопросы в ее адрес относительно жалобы в Европейский Суд не служили никакой цели в рамках расследования ее жалобы на угрозы.

162. Власти Российской Федерации отрицали эти утверждения.

163. Европейский Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, чрезвычайное значение имеет то, чтобы заявители могли свободно общаться с Европейским Судом, не подвергаясь каким-либо формам давления со стороны властей с целью заставить заявителей отозвать или изменить свои жалобы. В этом контексте «давление» включает в себя не только прямое насилие и случаи явного запугивания, но также иные ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы разубедить или отговорить заявителей от использования конвенционных способов защиты. Вопрос того, являются ли контакты между властями и заявителем неприемлемой практикой с точки зрения статьи 34 Конвенции или нет, должен определяться в свете конкретных обстоятельств дела. В контексте допроса заявителей властями государства-ответчика, осуществляющими следственную функцию, об их жалобах, поданных в соответствии с Конвенцией, это будет зависеть от того, были ли проводимые процедуры связаны с какой-либо формой незаконного и неприемлемого давления, которое можно считать вмешательством в право на подачу индивидуальной жалобы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции» (*Aydın v. Turkey*), от 25 сентября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI, р. 1899 – 1900, § 115 – 117, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, *ECtHR* 2000-VII, § 130).

164. Относительно первой части жалобы Европейский Суд отмечает, что нет прямых доказательств в поддержку утверждения второй заявительницы о том, что убийства первой заявительницы и членов ее семьи были бы связаны с жалобой в Европейский Суд. Нарушение статьи 34 Конвенции не может быть установлено на основании простого предположения. Однако Европейский Суд признает, что жестокое и нераскрытое убийство первой заявительницы, после того как она подала в Европейский Суд жалобу на серьезные нарушения прав человека представителями властей, неизбежно «охладило» бы намерения настоящих и потенциальных заявителей, обращающихся в Европейский Суд, особенно жителей Чечни. Европейский Суд может только выразить свое глубочайшее сожаление и разочарование тем, что не было проведено эффективное расследование, которое могло бы пролить свет на обстоятельства смерти первой заявительницы (см. выше § 144 – 151). Однако

Европейский Суд не полагает, что он должен в этом отношении сделать отдельный вывод о соблюдении властями Российской Федерации обязанностей, предусмотренных статьей 34 Конвенции, поскольку уже установил двойное нарушение статей 2 и 13 Конвенции.

165. В связи с жалобами второй заявительницы на угрозы, имевшие место в мае 2004 г., по-видимому, после того как эта информация была сообщена Европейским Судом властям Российской Федерации, последние предприняли шаги, направленные на расследование инцидента и на то, чтобы успокоить вторую заявительницу. Из представленных властями Российской Федерации документов (см. выше § 81 – 83) Европейский Суд не смог сделать вывод о том, что инцидент, на который ссылалась первая заявительница, имел бы какое-то отношение к поданным до этого инцидента жалобам. По-видимому, инцидент имел место в рамках проводимой в станице проверки и не вызывал вопросов, которые могли бы быть рассмотрены в рамках статьи 34 Конвенции.

166. Относительно жалобы второй заявительницы на вопросы, заданные ей в июле и сентябре 2004 г., из протоколов следует, что беседы касались большей частью обязанности прокурора собрать сведения о жалобе заявительницы для проведения проверки. Вопросы о жалобе заявительницы в Европейский Суд не носили основной характер. Вторую заявительницу, например, не просили подтвердить ее жалобе или сообщить их детали (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Дуляш против Турции» (*Dulaş v. Turkey*) от 30 января 2001 г., жалоба № 25801/94, § 81). Из показаний заявительницы следует, что она считает любой контакт с правоохранительными органами опасным. Это можно понять ввиду личного опыта второй заявительницы и общей ситуации с безопасностью в Чечне, но оставляет органы государственной власти без соответствующих средств, если они намереваются провести расследование по жалобам и обеспечить защиту от предполагаемых угроз. Таким образом, Европейский Суд не убежден, что допросы второй заявительницы в июле и сентябре 2004 г. являлись ненадлежащим вмешательством в ее право на обращение в Европейский Суд.

167. В итоге, Европейский Суд не располагает достаточными материалами, чтобы сделать вывод о том, что власти Российской Федерации нарушили свои обязанности, предусмотренные статьей 34 Конвенции, оказав на вторую заявительницу ненадлежащее давление, чтобы убедить ее отказаться от продолжения рассмотрения ее жалобы в Европейском Суде.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

168. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

169. Заявительницы не представили требований компенсации материального ущерба. Вторая заявительница просила присудить ей компенсацию морального вреда за нарушения, установленные в отношении первой заявительницы – ее матери. Размер компенсации вторая заявительница оставила на усмотрение Европейского Суда. Относительно компенсации морального вреда, причиненного ей самой, вторая заявительница подчеркивала, что она потеряла трех близких членов семьи и дядю, что причинило ей сильные страдания, переживания и чувство беспокойства. Вторая заявительница требовала 75 000 евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда.

170. Власти Российской Федерации полагали заявленную сумму чрезмерной.

171. Относительно требований, сделаны второй заявительницей от имени первой заявительницы, Европейский Суд установил, что близкие родственники заявителя могут требовать компенсации морального вреда (см., *inter alia*¹², Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эрнестина Дзулло против Италии» (Ernestina Zullo v. Italy) от 29 марта 2006 г., жалоба № 64897/01, § 149). Европейский Суд установил два серьезных нарушения статей 3 и 5 Конвенции в отношении первой заявительницы и полагает, что страдания и переживания, причиненные этими нарушениями, не могут быть надлежащим образом компенсированы одним фактом установления нарушения Конвенции. Следовательно, принимая решение на основании принципа справедливости, Европейский Суд присуждает 10 000 евро по данному пункту, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

172. Относительно требования второй заявительницы Европейский Суд отмечает, что он установил нарушения статей 2 и 13 Конвенции в связи с незаконными убийствами четырех членов семьи заявительницы, отсутствием эффективного расследований убийств и эффективных средств правовой защиты. Европейский Суд согласен, что второй заявительнице был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним фактом установления нарушений. Европейский Суд

---

¹² *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (прим. переводчика).

присуждает второй заявительнице требуемые ею 75 000 евро, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

173. Интересы заявительницы представляли юристы из неправительственной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre). Заявительница утверждала, что ее представители понесли следующие расходы:

(a) 1 250 евро за 50 часов изыскательских работ в Чечне и Ингушетии при стоимости одного часа работы в размере 25 евро;

(b) 1 200 евро транспортных расходов для разъездных сотрудников;

(c) 2 000 евро за 40 часов работы по составлению юристами в г. Москве юридических документов, представленных в Европейский Суд и властям Российской Федерации, при стоимости одного часа работы в размере 50 евро;

(d) 1 200 английских фунтов стерлингов за 12 часов работы юриста в Соединенном Королевстве при стоимости одного часа работы в размере 100 английских фунтов стерлингов;

(e) 2 976 российских рублей почтовых расходов согласно представленному счету;

(f) 684,90 английских фунтов стерлингов за переводы согласно представленным счетам; и

(g) 370 английских фунтов стерлингов в виде административных расходов.

174. Власти Российской Федерации оспорили разумность и обоснованность сумм, заявлены по данному пункту. В частности, они выразили сомнение относительно необходимости в работе пяти юристов, включая зарубежного специалиста. Они также возражали против требования представителей перевести сумму компенсации за представительство интересов заявительницы непосредственно на их счет в Соединенном Королевстве.

175. Европейский Суд должен установить, во-первых, были ли указанные заявительницей расходы понесены в действительности, и, во-вторых, были ли они необходимыми (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. the United Kingdom), p. 63, § 220).

176. Европейский Суд отмечает, что с самого начала рассмотрения жалобы интересы первой, а впоследствии второй заявительницы представляли юристы организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (EHRAC/Memorial). Европейский Суд убежден, что приведенные выше размеры

стоимостей услуг являются разумными и отражают расходы, действительно понесенные представителями заявительницы.

177. Кроме того, Европейский Суд также должен установить, были расходы, понесенные заявительнице в связи с представительством ее интересов, необходимыми. Европейский Суд отмечает, что дела являлось довольно сложным, включало в себя существенное количество фактических и письменных доказательств и требовало большой исследовательской работы и подготовки. Относительно наличия иностранного специалиста среди представителей заявительницы, поскольку заявители свободны в выборе представителя, их обращение к находящемуся в Соединенном Королевстве юристу, специализирующемуся на международной защите прав человека, нельзя подвергать критике (см. Постановление Европейского Суда по делу «Яша против Турции» (*Yaşa v. Turkey*) от 2 сентября 1998 г., *Reports* 1998-VI, p. 2445, § 127). Кроме того, Европейский Суд отмечает, что его обычной практикой уже стало указывать, чтобы присужденные суды компенсации судебных расходов и издержек перечислялись бы непосредственно на счет представителей заявителя (см., например, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Тоджу против Турции» (*Toğcu v. Turkey*), § 158, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы № 43577/98 и 43579/98, *ECHR* 2005-VII, § 175, и Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (*Imakaeva v. Russia*), жалоба № 7615/02, *ECHR* 2006-...).

178. В данных обстоятельствах и принимая во внимание подробности требований, представленных второй заявительницей, Европейский Суд присуждает по данному пункту следующие суммы соответственно тем, что были заявлены: 4 450 евро, 2 255 английских фунтов стерлингов и 2 976 рублей, исключая любой налог на добавленную стоимость, который может быть взыскан с этих сумм, при этом общая сумма подлежит выплате в фунтах стерлингов на указанный заявительницей счет представителей в банке в Соединенном Королевстве.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

179. Европейский Суд счел уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* единогласно предварительные возражения властей Российской Федерации;

2) *постановил* единогласно, что вторая заявительница как наследница первой заявительницы имела право от имени последней продолжать участвовать в производстве по жалобе;

3) *постановил* единогласно, что имело место несоблюдение положений подпункта «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении первой заявительницы;

5) *постановил* шестью голосами против одного, что не возникает отдельного вопроса о соблюдении положений статьи 3 Конвенции в связи с расследованием по жалобам первой заявительницы на жестокое обращение;

6) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении первой заявительницы;

7) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с убийством четырех членов семьи второй заявительницы;

8) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств смерти Зуры Битиевой, Рамзана Идуева, Идриса Идуева и Абибакара Битиева;

9) *постановил* пятью голосами против двух, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второй заявительницы;

10) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемого нарушения статьи 2 Конвенции;

11) *постановил* единогласно, что отсутствовало нарушение предусмотренной статьей 34 Конвенции обязанности не препятствовать праву на подачу индивидуальной жалобы;

12) *постановил* единогласно:

(а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить второй заявительнице следующие суммы,:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, понесенного первой заявительницей;

(ii) 75 000 (семьдесят пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, понесенного второй заявительницей;

(iii) 4 450 (четыре тысячи четыреста пятьдесят) евро, 2 255 (две тысячи двести пятьдесят пять) фунтов стерлингов и 2 976 (две тысячи девятьсот семьдесят шесть) рублей¹³, общая сумма подлежит переводу в фунты стерлингов по курсу на день выплаты и перечислению на счет представителей в банке в Соединенном Королевстве;

---

¹³ Так в тексте. В подпункте (iii), видимо, допущен серьезный пропуск и не указано, компенсацию каких именно расходов или ущерба представляют собой перечисленные суммы. Исходя из § 173 – 178 настоящего Постановления, можно сделать вывод, что речь идет о компенсации судебных расходов и издержек (*прим. переводчика*).

(iv) любые налоги, которые могут быть взысканы с этих сумм;

(b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 21 июня 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Христос РОЗАКИС
Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 72 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются особые мнения судей Л. Лукаидеса и Д. Шпильманна.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л.ЛУКАИДЕСА

Я не разделяю подход большинства судей относительно жалобы второй заявительницы на нарушение статьи 3 Конвенции в ее случае. Я согласен с частично несовпадающим мнением судьи Д. Шпильманна в этом отношении. Я хотел бы подчеркнуть, что убийство матери второй заявительницы было совершено при таких обстоятельствах, которые делали его особо жестоким. Я пойду дальше и скажу, что полагаю, что убийство чьей-либо матери, как в данном деле, само по себе должно считаться достаточным для того, чтобы дело попало в сферу действия статьи 3 Конвенции. Убийцы прекрасно знают, что когда они совершают убийство, их действия причинят ужасную боль, страдания и вызовут чувство небезопасности – в любом, случае, у близких родственников жертвы – такой степени, что они достигнут уровня обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. И объективное рассмотрение такой ситуации приведет к признанию этого эффекта.

Как и судья Д. Шпильман, я дополню, что полагаю «несколько искусственным, что установление факта нарушения статьи 3 Конвенции должно сводиться к случаям исчезновения лиц». Я полагаю, что действительно важным является то, что фактическое последствие деяния – независимо от того, вызвано ли оно исчезновением или убийством – должно оцениваться объективно, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела, а не из формальной классификации или обозначения обжалуемой ситуации (например, «исчезновение человека»).

Поэтому, я полагаю, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второй заявительницы.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Д. ШПИЛЬМАННА

1. Я не могу согласиться с мнением большинства судей относительно пунктов 5 и 9 резолютивной части Постановления.

2. В пункте 5 резолютивной части Постановления большинство судей решило, что не возникает отдельного вопроса о соблюдении положений статьи 3 Конвенции в связи с расследованием по жалобам первой заявительницы на жестокое обращение (I).

3. В пункте 9 резолютивной части Постановления большинство судей решило, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второй заявительницы (II).

I.

4. Относительно проблемы того, возникает ли отдельный вопрос о соблюдении положений статьи 3 Конвенции в связи с расследованием по жалобам первой заявительницы на жестокое обращение, я хотел бы отметить, что мнение сторон относительно необходимости такого расследования расходилось. Первая заявительница, утверждала, что власти были хорошо осведомлены о плохих условиях содержания под стражей и широко распространенной практике жестокого обращения и что они должны были предпринять активные действия для проведения расследования. Однако власти Российской Федерации подчеркнули тот факт, что после освобождения из-под стражи первая заявительница не жаловалась на жестокое обращение и что по итогам прокурорской проверки 2005 года не было установлено дополнительной информации, которая сделал бы необходимым проведение расследования (см. § 108 Постановления).

5. Этот вопрос о непроведении расследования, по моему мнению, должен быть рассмотрен отдельно в свете уже выработанной практики Европейского Суда об основополагающей важности процессуальных обязанностей, вытекающих из защиты неотъемлемых прав.

6. Признав, что рассмотрение этого вопроса не было необходимым, Европейский Суд обосновал свой вывод на том факте, что он уже установил нарушение материально-правовой составляющей статьи 3 Конвенции (см. § 109 Постановления). Однако я придерживаюсь того мнения, что указанное нарушение материального права не может исчерпать вопрос об ответственности властей, учитывая абсолютный запрет какого-либо обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Следовательно, наличие вопроса о непроведении расследования обосновывало его отдельное рассмотрение.

II.

7. Вторая заявительница утверждала, что чувство страха, страдания и переживания, которые она испытала в результате убийства четырех близких членов ее семьи, являлись обращением, противоречащим статье 3 Конвенции.

8. Из правоприменительной практики Европейского Суда следует, что этот вопрос больше всего рассматривается в контексте дел о «насильственных исчезновениях» и что вопрос того, является ли член семьи жертвой [такого обращения], будет зависеть от наличия особых факторов, которые придадут переживаниям заявителя степень и характер, отличающие их от эмоциональных переживаний, которые могут рассматриваться как неизбежно испытываемые родственниками жертвы серьезного нарушения прав человека (см. среди многих других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Чакиджи против Турции» (Çakıcı v. Turkey), жалоба № 23657/94, *ECHR* 1999-IV, § 98 и Постановление Европейского Суда по делу «Гезиджи против Турции» (Gezici v. Turkey) от 17 марта 2005 г., жалоба № 34594/97, § 73).

9. Анализируя переживания заявительницы, Европейский Суд указал (в § 152 Постановления) на ряд факторов, относящихся к случаям «исчезновения лиц», но, тем не менее, отказался расширить сферу применения этих факторов и, следовательно, статьи 3 Конвенции на родственников лиц, убитых властями, в отличие от родственников жертв насильственного исчезновения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ясин Атеш против Турции» (Yasin Ateş v. Turkey) от 31 мая 2005 г., жалоба № 30949/96, § 135).

10. Действительно, данное дело не связано с «исчезновением лиц». Однако, тем не менее, дело является серьезным и, по-моему, достигло уровня тяжести предполагаемого нарушения, требуемого для применения статьи 3 Конвенции.

11. Следовательно, в свете особой серьезности дела, я не убежден, что в данном деле отсутствуют особые факторы, которые придали бы переживаниям второй заявительницы степень и характер, отличающие их от эмоциональных переживаний, неизбежно испытываемые родственниками жертвы серьезного нарушения прав человека. Я считаю несколько искусственным, что установление факта нарушения статьи 3 Конвенции должно сводиться к случаям «исчезновения лиц». Более того, я отмечаю, что если бы некоторые из факторов, указанных в § 152 Постановления, были бы применены к обстоятельствам настоящего дела, они бы имели особое значение. Так, из существенных факторов я бы упомянул тот факт, что вторая заявительница является дочерью первой заявительницы и что ее статус потерпевшей был признан органами следствия 15 и 28 декабря 2005 г. (см. § 77 Постановления).

12. В заключение, я полагаю, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второй заявительницы.